

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. А. Храпов

Социокультурные основания
деструктивной динамики ценностных
ориентаций общественного сознания
постсоветской России

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Hrapov.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДИНАМИКИ
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Под деструктивной динамикой ценностных ориентаций общественного сознания постсоветской России мы имеем в виду деформацию социальной ценностной иерархии, а также появление «новых ценностей», которые традиционно не имели, и не могли иметь аксиологический статус в ценностных системах долиберальной России. Данные деструктивные тенденции отражают тяжелое переходное состояние общественной жизни и общественного сознания нашей страны.

Природа ценностей универсальна и раскрывается в онтологическом, гносеологическом, антропологическом, этико-эстетическом, герменевтическом и социально-культурном аспектах. Тем не менее, исходя из предметной направленности нашей работы, мы сосредоточим внимание на социокультурной интерпретации ценностей. В связи с этим, рассмотрим теоретико-методологические концепции социокультурного подхода к проблемам современной аксиологической трансформации.

В социокультурном подходе (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин, А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов, Н.И. Лапин, Т.И. Заславская и др.), ценности рассматриваются как связующие звено между поведением социальных субъектов макро и микро уровней. Ценности и ценностные ориентации, как направленность на объект оценивания, интерпретируются в качестве средства взаимоотношения социального и индивидуального начал в поведении, в контексте общественных отношений, что является смежным с проблематикой соотношения общественного и индивидуального сознания и их ценностных систем.

Как известно, категория «ценностная ориентация» в социальную мысль было введена в 1920-е гг. У. Томасом и Ф. Знаецким, которые ее использовали для рассмотрения ценностных ориентаций в качестве социальной установки личности социального аттитюда, регулирующего поведение человека в конкретных социокультурных условиях. С данной весьма упрощенной позицией были не согласны многие ученые (М.И. Бобнева, О.И. Зотова, А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов и др. — см.: Никифорова 2006), поскольку определяли ценностные ориентации как относительно устойчивое отношение человека к окружающей социальной действительности, фундаментом которой является ценностная иерархия, присущая каждому человеку.

Важным аспектом социокультурного подхода к ценностным ориентациям является раскрытие роли личности аксиосоциодинамике (П. Сорокин). Данная методологическая установка отстаивалась еще А.Г. Здра-

вомысловым и В.А. Ядовым, согласно которым: «ценностные компоненты включены в мотивационную структуру личности, где побудительные мотивы человеческой деятельности выстраиваются в своеобразную цепочку: потребности, преобразованные в интересы, в свою очередь, «превращаются» в ценности. При преобразовании потребностей в интересы на первый план выходят те характеристики деятельности, в которых проявляется отношение к социальным институтам. <...> Следовательно, ценностное восприятие действительности — это такое ее видение, которое опосредуется социальными чувствами и развитыми формами духовного творчества и которое возвышается над миром непосредственных потребностей и интересов. Таким образом, ценности образуют объективную реальность, они то же, что и вещи, они принудительны и в то же время желанны; но каждая ценность предполагает оценку, осуществляемую индивидом в связи с определенным состоянием чувств» (Берелехис, Ильинская 2007: 116–117).

Трансформация ценностных ориентаций общественного сознания современной России происходит одновременно с постиндустриальной эпохой на Западе и глобализацией мирового пространства, что усугубляет деструктивный характер. На наш взгляд, это связано с двумя обстоятельствами: во-первых, в результате вестернизации общественного сознания и общественной жизни постсоветской России были интериоризованы многие деструктивные установки западного мировоззрения (потребительская направленность, гипертрофированный индивидуализм и др.), что значительно усугубило кризис идентичности; во-вторых, стремление быстро перестроить общественную жизнь и систему общественных ценностных ориентаций по западному образцу привело не только к игнорированию исторических темпоритмов России, но и к ряду деструктивных последствий, в частности, к антропологическому кризису: « вместо автономного и массового индивида возникает неукорененный индивид (на мой взгляд, с помощью СМИ превращаемый в массового неукорененного индивида), не имеющий связи ни с прошлым, ни со структурами индустриальной эпохи, индивид, находящийся в ситуации потери норм и ценностей (аномии) и изоляции. Слепая, внешняя сила действия общества на индивидов может быть понята и как деполитизация, и как десоциализация, когда сознательная, рациональная, имеющая цель деятельность как индивида, так и государства сведена к минимуму. Не контролируя своего настоящего, человек не может представлять или планировать будущее и, добавим, ясно осознавать свое прошлое. Социальная реальность стала казаться квазиприродной, неподвластной человеку» (Федотова 2005: 4). Это новое онтологическое положение человека приводит к деструкции всех форм его соотношения с миром. В массовом сознании и общественной психологии фиксируются чувства отчужденности, потерянности, отсутствия «системы координат» в новом информационном глобальном мире. Индивидуализированное общество формируется объективными

силами глобальными экономическими, политическими и культурными процессами, противостоящие любой субъективности, будь то субъективность человека или субъективность культуры, этноса, общности.

Анализируя ценностный кризис в общественном сознании современной России, следует учитывать, что трансформационные сдвиги, глубоко затрагивающие ценностные основания культуры были и ранее. Так еще С.Л. Франк писал: «А духовные ценности европейской культуры, чистые и самодовлеющие блага искусства, науки и нравственной жизни? Но и на все это мы невольно смотрим теперь иным, скептическим взором. <...> Здесь достаточно сказать, что мы как-то за это время утратили веру именно в самое наличие нравственной жизни, нравственных устоев культурного человечества; все это именно и оказалось неизмеримо более шатким, двусмысленным, призрачным, чем оно казалось ранее. <...> А вместе с тем после пережитых испытаний произошел какой-то душевный сдвиг, в силу которого для нас потускнело многое из прошлого» (Франк 2000: 184–185). Важной характеристикой любой ценностной трансформации является социокультурная интенция ухода от традиционализма, при этом наиболее глубокий пласт культуры, ментальное ядро, в котором укоренена культурная идентичность, остается, приобретая новые формы и интерпретации. Эти культурные основания, включая ценностные структуры общественного сознания, во многом опосредуют социокультурные трансформации. Данные процессы Т.А. Рассадина объясняет следующим образом: «Рефлексивная деятельность социальных субъектов обнаруживает глубокие цивилизационно-культурные “разломы”, коренные изменения в ценностях российского человека, его новый образ. Вместе с тем традиционные ориентиры, ментальные программы, встраиваясь в ткань современных ценностных систем, влияют на успешность общественных преобразований. Понять коллизии ценностных аспектов сознания россиян в условиях бифуркационного каскада возможно при уяснении теоретических оснований механизмов, факторов, а также содержательных тенденций трансформации традиционных ценностей в постперестроечный период» (Рассадина 2006: 95). Таким образом, традиционные ценности на протяжении всей истории человечества представляли собой не только основу социокультурной идентичности, но и некую матрицу для всех общественных трансформаций, но сегодня ситуация иная. Современные глобальные процессы и специфика антропосоциогенеза приводят к тому, что возникла угроза самой аксиологической матрицы общественного сознания.

Рассматривая деструктивную динамику ценностных ориентаций общественного сознания современной России, необходимо отметить кризисную тенденцию имманентную как научно-теоретическому, так массовому сознанию. Речь идет о парадигме постмодернизма и ее роли в аксиологической трансформации. В общественном сознании укрепляется идея о том, что традиционные ценности — препятствуют развитию общества,

ограничивают «безграничную» свободу человека, которая в эпоху постмодерна стала основной ценностью. Данная установка общественного сознания выражается в массовом социальном поведении и кризисе духовной жизни общества. Традиционно сохраняющиеся фундаментальные ценности культуры подвержены кризисным тенденциям общественной трансформации. Г.С. Киселев так характеризует современную социокультурную ситуацию: «Речь идет о вытеснении высокой культуры культурой массовой, т.е. квази-, или псевдокультурой. Последняя фактически вообще не признает необходимость ценностной системы, в результате чего нравственный релятивизм легко переходит в нигилизм. И это не остается без последствий. Нетрудно заметить деградацию тех общественных реалий и установлений Запада, которые основаны на христианской системе ценностей, в первую очередь феномена нравственно и социально ответственного индивида. В данных условиях становится все яснее, что человечество способно выжить, лишь воссоздав и поставив в центр своего существования систему абсолютных ценностей (Киселев 2006: 6–7). Вспомним, что это пророчил еще Х. Ортеги-и-Гассет (см.: Ортега-и-Гассет 2005).

Как это не парадоксально звучит, но интенция общественного развития такова, что в ближайшем будущем главной ценностью будет отсутствие любых ценностей. Д.И. Дубровский справедливо отмечает «Освобождение от гнета власти, традиционных ценностных регулятивов, привычных норм, правил, социальных зависимостей — вот лейтмотив большинства постмодернистских рассуждений. <...> Истина — не более чем «реликтовый принцип», следовательно не существует «привилегированных дискурсов». А это означает неограниченный плюрализм, тотальный либерализм в производстве и выборе дискурсов. <...> Я привел несколько упрощенную «выжимку» из идейного багажа постмодернизма, который выражает мироощущение, умонастроение, самочувствие «авангардистского» слоя интеллектуальной элиты, отображает вместе с тем некоторые черты массового сознания в постиндустриальном обществе. <...> И если на Западе в последние годы постмодернизм как то поблек, то у нас в России он набирает силу» (Дубровский 2002: 338–339).

Многие философы, следующие заветам позитивизма, полагали, что вместе с ростом научно-технического прогресса и благосостояния наступит расцвет культуры, а человечество достигнет высшей стадии морального совершенства, но как мы видим, высшие достижения технического и экономического прогресса постиндустриальных обществ не ведут к аналогичному прогрессу в морали и обществе. Это констатирует и М.А. Лень: «Однако можно констатировать факт, что одним из парадоксов современного мира, несмотря на динамику компьютерной революции, является проблема роста негативных социальных девизаций. Поэтому перед человеком как никогда стоит вопрос: Как будет устроено постиндустриальное общество, где на одном полюсе будет стоять радикально перерожденный носитель интеллекта, переступивший из собственной человечес-

кой стадии цивилизационного развития в «постчеловеческую» стадию, а с другой индивид деликвент, утративший представления о метаценности: Истине, Добре, Нравственности, Красоте?» (Лень 2002: 165).

Совершенно ясно, что культуру неограниченного индивидуализма, в которой постоянная смена ценностей является единственным правилом, ожидают серьезные проблемы, поскольку утрата общекультурных ценностей создает угрозу консолидации общества, без которой оно не может существовать.

Берелехис А.А., Ильинская С. Г. О конфликте различных систем ценностей // *Философские науки*. М., 2007. № 3. Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // *Вопросы философии*. М., 2005. № 11.

Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002.

Киселев Г.С. Смыслы и ценности нового века // *Вопросы философии*. М., 2006. № 4.

Лень М.А. Ценностно-смысловое ядро экзистенции в контексте социальной девиации // *Духовное становление личности в современных условиях: Материалы Международной научной конференции*. 18–20 сентября 2002 г. АГПУ. Астрахань, 2002.

Никифорова Н.И. Ценностные ориентации в системе социальных отношений личности // *Современное российское общество: состояние и перспективы: Материалы Всероссийской конференции* (Казань, 15–16 ноября 2005 г.). Казань, 2006. Т. 4. С. 216–218.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс М, 2005.

Рассадина Т.А. Трансформация традиционных ценностей россиян в пост перестроечный период // *Социологические исследования*. М., 2006. № 9.

Франк С.Л. Крушение кумиров // *Сочинения*. Минск., 2000.

К.О. Черняева
(СГТУ, Саратов)

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Для каждой эпохи есть свои обозначения, свои символические маркеры. Время, в которое мы живем, принято называть эпохой глобальной культуры и потребления. Глобализация, подобно пропитке торта, проникает во все слои местной культуры, в результате чего мы получаем культуру новую — *глокальную*. Во многом этому способствует беспрецедентное по своим масштабам разрастание сетевых коммуникаций. Всемирная паутина опутала весь земной шар, связав между собой территории всех континентов. Скоро уже не останется мест, куда бы ни доходили виртуальные потоки, поддерживаемые все более мощными информационными системами.

Как пишет З. Бауман, «способ, которым сегодняшнее общество «формирует» своих членов, диктуется в первую очередь обязанностью играть роль потребителей» (Бауман 2004: 116). Потребителю не только помогут удовлетворить текущие потребности, но и создадут новые, и заставят по-